

Молодой Грифон

В конце концов, иметь друзей в высших кругах было полезно.

Храм Оракула был жутковатым сооружением. Запах ладана и мирра был густым, заглушая чувства и заставляя глаза гореть. Проходя через позолоченную арку, мимо Героических культиваторов Культа Разбитого Прилива, которые охраняли Оракула своими жизнями, я едва мог видеть на расстоянии вытянутой руки перед собой.

Зимние ветра Средиземноморья вряд ли стоили того, чтобы о них вспоминал культиватор даже самого жалкого ранга Гражданского царства, но в этом храме мне приходилось бороться с моими зубами, чтобы не дать им стучать. Дым от факелов, выстроившихся вдоль стен, каким-то образом был холодным, и от одного мгновения к другому меняли свои запахи между ладаном, мирром - и Ионическим Морем.

Дым прилипал к моей коже, как солёная вода, вымачивая меня в холодном поту уже через три шага после арки. Мой пульс отбивал быстрый ритм в горле. Я подавил инстинктивное желание бороться. Никогда в жизни я не чувствовал такого присутствия.

— Будь внимателен, — пробормотал Кайно. — Боги наблюдают.

— Нет, — ответил я, отвлечённо. Я всмотрелся сквозь дым и морскую пену. — Но она смотрит.

Оракул Разбитого Прилива была старой женщиной, исхудавшей и хрупкой. В отличие от Кайно, её тилловый наряд был девственно чист, его цвета были яркими, в то время как сама женщина была вымытой и седой. Её волосы, бледная кожа и даже глаза. Слепая женщина безошибочно смотрела на меня, морщины на её лице разгладились, когда она ухмыльнулась.

— Здесь есть кто-то, кому здесь не место. — Её голос был таким же хрупким и старческим, как и всё остальное, едва слышимый через потрескивание факелов из морской соли на стенах.

Кайно хлопнул меня по плечу, оттащив на шаг назад, прежде чем я успел заговорить. Он окинул меня суровым взглядом, как будто я мог начать драку с божественной женщиной, находящейся на троне её силы, за одно ехидное замечание. Я ещё даже не представился.

— Почтенный Оракул, — почтительно произнёс он, склонив голову. — Эти скромные софисты пришли выразить своё почтение. — Он снова посмотрел в мою сторону и, выглядел удивлённым, увидев, что я тоже склонил голову. Серьёзно, что я такого сделал, что дало ему такое плохое впечатление обо мне?

— Не сомневаюсь. — Старуха поманила нас вперёд тонкой, как паучьей, рукой. — Тогда идите в глубины - если умеете плавать.

Я шагнул вперёд без колебаний, и её присутствие поглотило меня.

Глубины были подходящим способом описать это. Я чувствовал, что тону, бесконечно падая в место, которое становилось лишь темнее и холоднее, чем глубже я шёл. Даже когда мои ноги бесшумно ступали по твёрдому камню, я погружался в глубину. Вымытые серые глаза женщины следили за мной, пока я приближался. Я понял, что это был рефлекс. Дело было не в том, что она могла меня видеть, не глазами по крайней мере. Она знала, где я нахожусь, и её глаза помнили, что нужно следовать.

— Как долго ты была слепой? — спросил я оракула, остановившись прямо в пределах её досягаемости.

— Со дня моего рождения, — сказала она, протягивая хрупкую руку и берясь за моё лицо. Её кожа была холоднее дыма, гладкая и совершенно без мозолей. — Когда ты научился видеть?

Я задумался: «Четыре месяца назад».

— Дерзкий мальчишка, — хихикнула она, ущипнув меня за щеку. — Правильный ответ — возможно, завтра, если удача будет благосклонна ко мне.

Кайно встал рядом со мной, его поза была жёсткой, пока присутствие Оракула омывало его. Пламя в его глазах мерцало и убывало, приглушенное волнами. В движениях его груди появилась медленная ритмичность. Техника дыхания.

— А что насчёт тебя, юный Герой Разбитого Прилива? — Оракул перевела взгляд невидящих глаз на Кайно. — Что привело великого охотника в моё скромное святилище?

— Мы ищем руководства и предлагаем нашу преданность приливу, — ответил он, его голос был слабо напряжён.

Оракул ткнул пальцем: «Это должно быть в обратном порядке!» — Кайно скорчил гримасу и склонил голову.

— Мои извинения.

— И какое же руководство я могу тебе дать? Молодой человек твоего положения должен знать хотя бы столь многое о том, как устроен мир. Боги больше не направляют нас.

— И это всё, на что ты годишься, да? — спросил я, праздно разглядывая её в мельчайших деталях. Там были остатки поразительных черт, истерзанных временем — королевский нос, острые скулы, и там, под молочным туманом слепоты, зубчатые зрачки, разделённые на три сегмента. — Целая жизнь в компании лучших мужчин и женщин мира, легендарных душ ищущих тебя при каждом случае, и тебе нечего сказать? Я мог бы провести всю жизнь в коробке без дырок, и всё равно мог бы сказать, что-то полезное в конце неё.

Кайно попытался ударить меня, но он не был Солом. Я отбил удар в сторону намерением панкратиона, сохраняя зрительный контакт со слепым оракулом. Он не осмелился бы напрячься настолько, чтобы прорваться сквозь мои руки. Не здесь.

— Ты мудрее, чем выглядишь, — одобрительно сказала старуха. — Но с чего ты взял, что достоин моей мудрости?

Я насмеялся: «С чего ты взяла, что твоя мудрость достойна меня?»

— Грифон! — зарычал Кайно, охваченный паникой и яростью в равной степени. Хо. Похоже, всё, что мне нужно было сделать, чтобы пробиться сквозь его суровый стоицизм, — это привлечь божественного посланника его культа.

Оракул рассмеялась.

Это был надломленный, хриплый смех старой женщины, стоящей на пороге смерти, но в то же время это были волны, разбивающиеся о скалы в Аликосе, рёв урагана, рвущего поверхность

Ионического моря. Кайно отступил на шаг, его грудь поднималась и опускалась в ритме контролируемого дыхания. Я прищурился сквозь морские брызги, смахивая соль с глаз.

— Действительно! — воскликнула Оракул Разбитого Прилива. — Именно так! Как может кто-нибудь из нас узнать, что лежит под волнами, если мы сами не погрузимся в их глубины? Как мы можем узнать, что отбрасывает тень, если сначала не выйдем из пещеры?

Она резко поднялась с мягкого сиденья, на котором сидела, столь огромного для её сморщенного тела, и резко подалась вперёд, чтобы схватить моё лицо обеими руками. Несмотря на свой возраст, её хватка в этот момент была, несомненно, сильной. Она глубоко заглянула мне в глаза, достаточно близко, чтобы я почувствовал запах винограда на её дыхании. Теперь она была не просто старой. Она была древней.

Её зрачки были трезубцами.

— Что есть в вас, алые сыны, что заставляет вас идти туда, где вас не ждут, говорить то, что никто не хочет слышать, и делать то, что совершенно не должно быть сделано? — Почему-то у меня возникло ощущение, что Оракул говорит не со мной и даже не с собой. — Что это внутри тебя, что болит от простого намёка на небеса? Почему ты такой, какой ты есть?

Я ухмыльнулся и хотел ответить, но она опередила меня.

— Потому что невзгоды – это лучшая часть.

— Я думал, вы больше не можете видеть будущее, — сказал я озадаченно.

— Мне не нужно видеть будущее, когда прошлое стоит прямо передо мной, — сказала Оракул, хлопая ладонями по моим щекам и поворачивая мою голову из стороны в сторону. Коля меня этими трезубцами. — Вы все одинаковы. Как наверху, так и внизу.

Что-то внутри меня скрутило: «О чём ты говоришь, старуха?»

— Я говорю о тебе, глупый мальчишка. О чём ты говоришь? Ты пришёл ко мне за советом, не так ли? Или, возможно, ты здесь только для того, чтобы поглазеть на то, кем ты надеешься однажды стать.

С моей головой откинутой назад, я не мог смотреть на неё. Но я дал понять о своём намерении: «Я не надеюсь».

— Нет, не надеешься, не так ли? — размышляла она, проводя тонкими пальцами по венам на моей шее и ниже, прощупывая мой торс. В поисках чего, я не мог сказать. — Ты действуешь. Так действуй, здесь и сейчас. У тебя есть внимание Оракула, так воспользуйся им. Мне проверить твоё сердце на наличие демонов?

Я усмехнулся: «Пожалуйста».

— Тогда физиотерапия? Пусть эта старуха проигнорирует свои собственные боли и заботы и займётся твоими? — Кончики её пальцев впились в чувствительную плоть под моими рёбрами, посылая молниеносные нити ощущений в мою грудь. Не совсем боль, но точно не приятно.

Я взял её руки в свои и отдернул их: «Твои руки не могут сделать для меня ничего, что мои собственные не могли бы сделать лучше».

— Не дух, но и не тело, — сказала она, ничуть не смутившись. — Тогда это вопрос разума. Или, скорее, ответ.

Я наклонил голову. Что-то было в этих глазах - не считая слепоты, конечно. Что-то коварное и озорное, совершенно несоответствующее её возрасту. Старуха отстранилась от меня и повернулась, перебирая различные подставки, столы и полки, окружавшие её священный штатив.

Наконец, с торжествующим гогогом она вытащила из беспорядка фальшивое лицо.

Это была театральная маска, вырезанная из кипариса и раскрашенная в бледные тона. Лицо женщины, бледное и искажённое в полном ужасе. Рот был гротескно открыт, давая возможность тому, кто его носил, дышать и быть услышанным. Глаза были широкими и пустыми, их ямки были расширены, чтобы позволить владельцу видеть. Брови были густыми и золотистыми, и в ужасе вздёрнутыми вверх. Это было выражение женщины, увидевшей привидение.

— Ты пришёл сюда в поисках этого, не так ли?

Это?

— Я даже не знаю, что это такое.

Оракул вложила маску в мои руки. Она была гладкой на ощупь и необъяснимо тёплой.

— Это ответ на вопрос, который ты отказываешься задать, — сказала Оракул. Я резко поднял на неё глаза. Выражение её лица было лёгким и коварным. Из-за этого она выглядела моложе на полвека.

— Я не пришёл сюда за маской, — сказал я ей. Она лишь шире улыбнулась, обнажив зубы.

— Это не маска, — сказала она, слова были наполнены тяжёлым смыслом. Я понял, что она всё ещё держит её, костяшки её шишковатых рук побелели от силы её хватки. — Это твоё будущее.

Я вырвал маску из её рук и повертел её в руках. На её внутренней стороне было вырезано слово. Я прочитал его один раз, а потом ещё раз. Моё сердце забило в груди.

— Сын алого греха, — Оракул прошептала голосом отливов и зыбучих песков. — У тебя хватает наглости вторгаться к посланнику Судеб ещё до того, как твоё путешествие по-настоящему началось, грабить их своими высокомерными глазами в поисках их божественности. В этом мире тысяча тысяч тайн. Неужели ты думал, что готов разгадать величайшую из них?

— Кто ты? — пробормотал я.

Старуха согнула свои пальцы, приглашая меня присесть. Я наклонился вперёд, и она прошептала мне на ухо.

— Моё имя Мельпомена. И я - первая из твоих невзгод.

Я развернулся и вышел из храма.

Кайно догнал меня примерно в сотне шагов вверх по горе, в его глазах читалась тонко замаскированная мания. Его крокодилья мантия, казалось, была хвостом, когда он взбегал по ступеням - такова была сила его натиска.

— Что это было! — потребовал он от меня, его пнеума и влияние вздымались буйной волной.

Я нахмурился и повертел маску в руках.

— Понятия не имею.

Но я собираюсь узнать.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3294390>